

5.11.2. Историческая теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-4-167-184

О. Н. Сенюткина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

ГЕРОИ В ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДЕ: ПРИЧИНЫ И КРИТЕРИИ ГЕРОИЗАЦИИ¹

СЕНЮТКИНА Ольга Николаевна —

д-р ист. наук, доц., проф. кафедры
истории и мировой политики.

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

(603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а).

E-mail: senutkina@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — исследование содержания процесса героизации в мусульманской среде — осуществляется на гетерогенной источниковой основе. В статье на основании изучения ранее неизвестных или малоизвестных архивных документов, законодательных актов, воспоминаний мусульман или их потомков («голос ислама») рассматриваются специфические черты процесса героизации в мусульманской среде. Ракурс подачи исторического материала — с акцентом на религиозный феномен героизма. Впервые в отечественной историографии используется оптика исследования героизации применительно к тюрко-мусульманской среде, рассматриваются факторы влияния на трансформацию этого процесса: связь этнического и религиозного начал, деяния выдающихся героев-мусульман, государственная этноконфессиональная политика. Концептуально статья представляет собой анализ переплетения религиозного и этнического

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «N24–28–00188 Панисламитизм и пантюркизм: исторический, современный и прогностический дискурс в лицах и событиях», <https://rscf.ru/project/24–28–00188/>»

начал в исторической памяти и объективной реальности мусульманской части российского населения, что позволяет в дальнейшем более глубоко исследовать базовые основания пантюркизма и панисламизма. Особое внимание уделяется критериям определения героя или группы героев. Делается вывод о том, что критериями определения героев мусульманского мира являются глубокая вера в Аллаха, способность защищать эту веру вплоть до потери собственной жизни, знание основ исламского вероучения, следование нормам шариата в повседневности, воспитание детей в духе ислама. Кроме того, существует набор определенных факторов, которые содействуют закреплению в исторической памяти имен героев или, напротив, снижают их значение. Традиционное общество сохраняет память о своих героях из поколения в поколение, добавляя новые имена в процессе развития национального самосознания. Человек, любящий свою многоконфессиональную Родину, формирует свое понимание критериев героизма в зависимости от межконфессиональных взаимодействий.

Ключевые слова: мусульмане, тюрки, герои, антигерои, героизация, ценности, традиции, пантюркизм, панисламизм.

Для цитирования: *Сенюткина О. Н.* Герои в тюрко-мусульманской среде: причины и критерии героизации // *Ислам в современном мире.* 2024. Т. 20. № 4. С. 167–184;

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-4-167-184

Статья поступила в редакцию: 01.06.2024

Статья принята к публикации: 14.10.2024

Причины героизации — это вечная потребность людей и общества в целом находить образцы для подражания среди ближнего окружения, современников и людей из прошлого. Кроме того, власть стремится создавать образы героев, опираясь на потребности государства и общества в воспитании подрастающего поколения. Однако в каждой культуре есть своя специфика процесса героизации, которая трансформируется вместе с изменением общественной жизни и ценностных ориентаций конкретного сообщества.

Научное изучение героизма — относительно недавняя тема, представляющая интерес и имеющая мотивацию из-за обострения напряженности и конфликтности в мире. Причем изучение героизации актуализируется сегодня в разных областях гуманитарного знания, включая не только историю, литературу и т.п., что было в давней традиции поиска героев нашими предками, но и сферу молодых наук, например психологии. Сказанное касается и мусульманского мира, в котором процесс героизации приобретает свои особые тенденции, определяемые

в первую очередь религиозным фактором, действующим на разных этапах истории.

В условиях перманентно существующих разного рода противоречий в любом обществе, в том числе мусульманском, герои могут находиться по разные стороны баррикад. Герои одной стороны считают, что противоборствующие им силы — это антигерои, и наоборот. В зависимости от того, кто подтверждает свой успех в противостоянии, тот, как правило, и предлагает другой стороне свою точку зрения на образцы героического. Слово «герой», которое закрепилось в русскоязычной традиции, имеет греческое происхождение, хотя исторически его можно сопоставить по содержанию с термином «богатырь», близким по форме к тюркским истокам («батыр»).

Если обратиться к ранней мусульманской истории в её земном, человеческом измерении, то в формате религиозного сознания утверждается идея исключительности человека, получившего Откровение «свыше», ставшего Пророком и тем самым обретшего особую миссию на Земле. Образ Пророка распространяется вместе с идеями Священной Книги — Корана, с рассказами о жизни Мухаммада согласно Сунне. Рядом с образом Мухаммада, жизнь которого мусульманами все больше и больше воспринимается как подвиг, присутствуют и закрепляются в устной религиозной традиции (посредством памяти) образы героев — сподвижников Пророка (*сахабы*) и героев-воинов (*шахиды*), защитников веры. Усваивая идеи исламского вероучения, люди, населявшие огромные евроазиатские пространства будущей России, проникались тем пониманием героизма, которое закреплялось в сознании верующих. Личность Пророка и лиц из его окружения проходит через историю уммы с начала её истории и до сего дня, вызывая восхищение их великими деяниями, мужеством, смелостью, доблестью.

В Средние века героизм воспринимался прежде всего как мужество героев-воинов, совершающих подвиги на поле боя, так как тот этап всеобщей истории выражался (в политическом ключе) через демонстрацию силы. Но Средневековье в первую очередь — это время религиозного понимания окружающей действительности, в которой нет места секулярному сознанию. Поэтому мусульманская среда продолжает воспринимать участников битв, правоверных мусульман, героями, независимо от исхода сражений. Полная победа мусульман при Бадре в 624 г. (между мекканцами и сторонниками Пророка) рассматривается как результат не только героизма воинов, но и помощи им Самого Бога, что отмечено в Коране («Аллах оказал вам поддержку при Бадре, когда вы были слабы...»)¹. Эта помощь «Свыше», как считают право-

¹ Коран, 3: 123, цит. по: Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / гл. ред. Д. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2015. С. 201.

верные, послужила возвышению авторитета мусульман и вступлению ряда многобожников в состав мусульманской общины. Битва при горе Ухуд 625 г. имела для мусульман другой финал: в военном смысле её нельзя назвать победой, но и в этом случае она рассматривается как героическая, поскольку Пророк, несмотря на ранение, остался жив, а курайшиты не организовали преследования. В любом случае результаты сражений были определены, согласно мусульманским представлениям, Божественной силой.

Приведенные примеры, которые можно было бы продолжать, подтверждают наличие в сознании мусульман религиозного феномена героизма. Историческая память, опирающаяся на Коран, сближает мусульман в духе панисламизма (в формате статьи — общее прошлое).

Объяснение героизма с помощью опоры на приближенность к Высшему наблюдалось на Западе еще с античных времен, когда речь шла о понимании героев. То есть мусульманское понимание героизма в религиозном ключе не столь ново по историческим меркам. Однако оно принципиально иное с точки зрения религиозной: героев Античности поддерживают разные боги Олимпийского пантеона (политеизм), а у мусульман монотеистическое видение мира, жестко не принимающее многобожие, пронизано идеей Бога Единого. Критерием героизма людей выступает в этом случае поддержка Самим Аллахом, следование Ему во всем.

Внимание к личности — некий знак Нового времени, что весьма заметно и на Западе (это логично постольку, поскольку личность — ценность западного мира), и на Востоке, и в России (хотя в приоритете последних миров, как известно, — коллективизм). Оценки героизма в Новое время в соответствии с западной интеллектуальной традицией понимания героев и героических эпох, заложенной еще античными мыслителями, обогащались протестантской религиозной традицией молящихся и трудящихся. В дальнейшем идеи героизма нашли отражение в «теории великих людей», видным сторонником которой был кальвинист Т. Карлейль, утверждавший: «Почитание героя — есть трансцендентное удивление перед великим человеком. Я говорю, что великие люди — удивительные люди до сих пор; я говорю, что, в сущности, нет ничего другого удивительного!»¹

Российские мусульмане сохраняли из поколения в поколение традиции предков, идущих по пути Аллаха. Но перемены в Российской империи сказались и на понимании личности мусульманами. На отдельного человека при определении его на должность смотрели все больше с позиции его возможностей и способностей, а не с позиции

¹ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 17.

его родовитости. Отмена местничества в 1682 г.¹ и «Табель о рангах» 1722 г.² — тому яркое подтверждение. Давняя мусульманская традиция защиты своих семей, защиты собственности от посягающих на них была подкреплена идеей служения Отечеству, которая громко зазвучала на общероссийском уровне с эпохи Петра I.

Российские мусульмане всё больше задумывались о своем месте в империи, об отношениях с государством и о тех, кто достоин из их среды подняться выше других, как выдающаяся и даже героическая личность. В начале XIX в. татары пяти губерний (Симбирская, Казанская, Пензенская, Нижегородская, Саратовская) проявили некую инициативу обращения во власть, что само по себе интересно как факт, невозможный в предшествующий период. Дело в том, что только при Екатерине II ислам был признан «терпимой религией», и этот статус ислама не предполагал особого внимания со стороны политической элиты России к каким-либо инициативам «снизу». При таком статусе мусульмане вряд ли были бы услышаны властью при выдвижении на пост муфтия своей кандидатуры.

Тем не менее они обратились в Министерство внутренних дел Российской империи и предложили на пост главы недавно сформированного Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) «соборного муллу и мударриса Хабибуллу Гусейнова (по другим источникам — Хусейнова. — О. С.), который живет в Казанской губернии Царевококшайского или Казанского уезда в деревне служилой Урге»³. В формате данной статьи интересна позиция рядовых татар по вопросу осознания себя в пространстве империи: какой руководитель им нужен по личностным качествам и для решения каких вопросов. В своем обращении заявители показали навыки критического осмысления сложившейся ситуации. Среди отмеченных ими недостатков, которые должен был исправить новый муфтий, — недоработки в системе семейно-брачных отношений (конфликты между женами, взятие вторых жен без соответствующего религиозного обряда, женитьба на солдатках, когда неизвестно о гибели их мужей), споры между самими муллами в случае сложных отношений между верующими и т. д.⁴. Все эти нарушения необходимо было привести в соответствие с нормами шариата. Вносились также предложения по поводу реорганизации управления уммой России: «при нескольких селениях в каждой округе необходимо,

¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД). Т. 4. М., 1828. С. 396–410.

² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины, и которые в одном классе, те имеют по старшеству времени, вступления в чин между собою, однакож воинские выше протчих, хотяб и старее кто в том классе пожалован был. [Москва]: Печатано в Московской типографии, 30 января 1722. 16 с.

³ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4. Д. 33. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 20 об.

нужно иметь достойного и знающего совершенно своей религии правила ахуна, что по-магометански значит начальника абызам, который бы им по жалобам к нему единственно доходимым или с таковых жалоб по предписанию земского исправника, а иногда и земского суда производил правильные разбирательства, подносимые к рассмотрению по оной должности своему начальству как бы следовало... порядок в магометанских обрядах, спокойствие магометан от соблазнов»¹.

Что касается самого Хабибуллы, за которого ратовали российские мусульмане, то он не преминул показать, каковы были его запросы и кем бы он хотел видеть себя в глазах других людей. Об этом докладывали «Господину действ. ст. советнику Ниж. гр. губ. Андрею Максимиовичу Руновскому (губернатору. — О. С.)» знающие чиновники, характеризуя Хабибуллу так: «...провозглашал о себе, что он калиф, каковое название принадлежит одному только из магометан самодержцу, желает удостоверить о себе в сем звании черный магометанский народ, а через сообщников своих уверить при том, что он из числа святых чудотворцев и делать себя сими способами в оных губерниях первоначальником»².

В так называемом приговоре, который отправляли мусульманские общины в ОМДС губернским властям для утверждения на должность имама селения (именовался в российском делопроизводстве муллою), обязательно указывались те личностные качества, которые отличали претендента на лидера общины от рядовых членов махалля. Это было прежде всего знание «правил магометанской религии», что подтверждалось соответствующим испытанием, организуемым в ОМДС³. Кроме того, претендующий на должность имама должен был подтвердить свое знание русского языка, сдав соответствующий экзамен в одном из губернских училищ⁴. Губернское начальство должно было в свою очередь подтвердить занятие должности в той или иной мечети, соглашаясь с тем, что предложенный общиной человек соответствует представлению власти о достойной кандидатуре на место муллы. Кроме указанных требований, обращалось внимание на образ жизни будущего имама («человек хорошего поведения, трезвой жизни, под судом и следствием не был, всеми уважаемый»)⁵.

Таким образом закреплялись в сознании мусульман определенные характеристики видной, выделяющейся среди других личности. Существенным моментом отбора являлось и то, что имамы, как правило, были потомственными. Для примера: во всех татарских деревнях Нижегородской губернии сформировались династии мулл и муэдзинов,

¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 33. Л. 20 об.

² Там же. Л. 26.

³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1674. Л. 12.

⁴ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 50. Д. 19569. Л. 9.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 21254. Л. 4 об.

из поколения в поколение передававшие свой статус от отца к сыну¹. Самые талантливые представители этих семейств становились еще и преподавателями медресе и мектебе, мударрисами (впоследствии они составят основу корпуса советских учителей в татаро-мусульманских селениях).

Особым авторитетом среди мусульман пользовались совершившие паломничество в Мекку, Медину и Иерусалим. Хаджж — один из столпов ислама, который в течение длительного времени был сопряжен с большими трудностями для тех, кто его совершал: преодоление больших расстояний пешком или верхом, нападение разбойников, войны, эпидемии и другие лишения. Само по себе путешествие до святых мест долгое время являлось своего рода подвигом. В современных условиях, хотя способы передвижения значительно облегчились, хаджжи продолжают пользоваться уважением среди мусульман.

Представители российских мусульман становились известны в российском обществе и за его пределами не только как лидеры мусульманского сообщества. С зарождением капитализма все большее внимание уделялось труженикам, готовившим промышленный переворот: они могли стать героями в обыденном сознании. Крупные ежегодные российские торги выявляли не только специализацию регионов, но и людской потенциал. Например, на Макарьевской (XVII в.), а затем Нижегородской ярмарке (XIX–XX вв.) заметна была не только роль торговцев-мусульман — отечественных и зарубежных, но и чернорабочих из мусульманской среды.

На рубеже XIX–XX вв. на Нижегородской ярмарке численность участвовавших в различных работах (помимо торговли) мусульман достигала 30 тысяч человек ежегодно. «Татары отправляют все трудные работы на сей ярмарке, — писал современник в 1827 г., — они переносят все тяжелые товары и служат в балаганах»². Торговцы-мусульмане, по свидетельствам современников, пользовались у приезжающих на ярмарку «доброю славою» и большим уважением «за свою честность и доброе обхождение»³. Сезонные работы становились частью жизни мусульман и героизмом трудовых будней. Труд утверждался как ценность, но не осознавался как нечто героическое, а в большей степени оставался обыденностью. Поэтому татары, работавшие на тяжелых работах, не рассматривались как герои, а обозначение «князь» применительно к татарину становилось не более чем насмешкой даже в среде самих татар. Значимость и героизм самоотверженного труда осмысливались постепенно, дополняя подвиги воинов во славу веры.

¹ Сенюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. История исламских общин Нижегородской области. Н. Новгород, 1998. 550 с.

² Нижегородские губернские ведомости. Отдел неофициальный. 1899. 20 января. С. 3.

³ Овсянников Н. Н. О торговле на Нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1867. С. 8.

Ответ на вопрос о том, насколько соответствует героический труд мусульманскому менталитету, татарскому характеру, искали сами татары. Так, Габделгаллям Фаизханов (1850–1910) в своих трудах «Книга собеседований (трактаты) о средствах к жизни и изобилию» и «Мухаррик ал-афкар» («Возбудитель мысли») увязывал достижения науки и труда, подчеркивая, что «только человек, являющийся хозяином и пользующийся всеми выгодами производства, всегда трудится вдохновенно и старательно», «желание и склонность к труду берут верх, возобладают у тех народов, у которых больше развиты наука, просвещение»¹.

Героями мусульманского сообщества могли стать и становятся ученые. Основа тому — исторические обстоятельства: разделения, тем более противостояния вероучения и научного знания в исламе не существует. В исламскую культуру не был включен западный антропоцентризм эпохи гуманизма, светское знание не отделялось от религиозного. Российский востоковед, преподаватель Санкт-Петербургского университета Хусаин Фаизханов, старший брат упомянутого Габделгалляма, получил религиозное образование и вместе с тем развивал светские науки. Это не было гордостью земляков-нижегородцев вплоть до конца 1990-х гг. Но в современном российском обществе стали проводиться научные конференции, посвященные памяти выдающихся мусульманских мыслителей: Фаизхановские, а также Бигиевские, Расулевские чтения и другие, которые находят поддержку у государственных структур.

Героями стали признавать и тех мусульман, кто активно тратил часть своих доходов на помощь пожилым, больным, детям, сиротам и т.д. Можно назвать татарских предпринимателей братьев Юнусовых, екатеринбургских купцов Агафуровых, казанские купеческие династии Азимовых и Аитовых и многих других². Из среды имамов также выделялись благотворители: примеров много, назовем только одно имя — Мухисуннат Хабибуллин. Старший сын Хабибуллы-ишана Альмухамятова, уроженец одного из нижегородских татарских селений (Сафаджай/Красная Горка) построил в 1896 г. двухэтажное здание для медресе. В нем, что также подчеркивает элемент трудового и интеллектуального героизма, работал преподавателем он сам и его братья — Малик и Абдулбяр³.

Признание со стороны правящей верхушки получали те имамы, которые верой и правдой служили государству. В 1912 г. полицейский исправник Сергачского уезда Нижегородской губернии в своем рапорте

¹ Фаизханов Г. Книга собеседований (трактаты) о средствах к жизни и изобилию // Сабиров С. В. Мулла Габдулгаллям Фаизханов: краткий очерк жизни и деятельности. Приложение 1. Н. Новгород: ИД «Медина», 2005. С. 42, 43.

² Мусульманская благотворительность и формирование системы самоуправления // История ислама в России / под общ. ред. Р. М. Мухаметшина. Киров, 2022. С. 307–320.

³ ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 19446.

доносил начальству, что два имама из Кочко-Пожарок и Ключищ заслуживают вручения серебряных медалей «За усердие» в качестве награды за более чем 25-летнюю службу. Критериями выделения именно этих мулл были названы их «примерность в исполнении законных распоряжений Правительства», «благорасположение к местной администрации», «благорасположение к органам правительственной власти местного магометанского населения»¹.

Процессы героизации в мусульманском мире имели свою специфику, что было связано с развертыванием движений за социальную справедливость. С усложнением жизни уммы в условиях Нового времени заметно выделяются те люди, которые именуются либо реформаторами, либо революционерами, призывавшими к переменам стиля жизни с условием сохранения духа и буквы шариата. В российском обществе на рубеже XIX–XX вв. становятся заметными фигуры лидеров, представителей рождающейся светской и в то же время мусульманской, национальной элиты. В условиях переплетения в сознании этнического и религиозного начал становится всё заметнее вхождение в политику лиц из мусульманской среды. В процессе формирования политической элиты Российской империи по западному образцу происходит поиск своего места последователями Аллаха. В 1890-е годы этот процесс включения в политику Исмаила Гаспралы, Рашида Ибрагима, Юсуфа Акчурлы, Садри Максуди, Гаяза Исхаки и других рассматривался в казанской историографии как формирование группы «лидеров нации»². Энциклопедический словарь «Ислам на европейском Востоке» делит собравшихся на Первом Всероссийском мусульманском съезде (Нижний Новгород, 1905 год) участников на 4 группы: общенациональных политических деятелей, улемов и деятелей антимиссионерской пропаганды, крупной национальной буржуазии, а также земских и городских деятелей из муз³.

Для части общества они могли считаться героями, стремящимися обосновать необходимость перемен жизни угнетенных людей к лучшему и отразить это в своих богословских и научных трудах, а также общественно-политических деяниях. Но для большинства индифферентных к политике российских мусульман вопросы, которые поднимали тюркисты, пытаясь решить национальные, социально-политические и частично религиозные проблемы, были непонятными и далекими, а традиционный ориентир на «своих», близких мулл — родным и необходимым. Хотя в среде тюркистов были и те заметные общественные деятели, которые не эмигрировали после подавления революции

¹ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 51. Д. 21255. Л. 7 об.

² Хабутдинов А. Ю. Лидеры нации. Казань, 2003. 159 с.

³ Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань, 2004. С. 16.

1905–1907 гг., а оставались действительно лидерами, не бросившими «своих», переживавших все дальнейшие тяготы, выпавшие на долю татар-мусульман.

В результате появления на рубеже XIX–XX вв. мусульман-обновленцев произошло деление на джадидистов и кадимистов. Трудно говорить о героизме столкнувшихся, ибо герой должен вызывать удивление своими подвигами, поднимать народ на борьбу за справедливость. Скорее следует отметить, что одни стремились сохранить традиционные устои российского ислама (консерваторы), другие — изменить жизнь уммы прежде всего реформами в сфере образования и просвещения (реформаторы). Не обходилось и без столкновений в ходе борьбы за влияние на умы верующих. Ярким примером использования тяготения властей к сохранению старых форм жизни мусульман было знаменитое письмо кадимистов¹, в котором 12 указных имамов обвиняли реформаторов в нарушении норм ислама. Такого рода формы противостояния (анонимные письма-доносы) осуждались джадидистами. А наиболее радикально настроенные из мусульман даже составляли списки тех кадимистов, которых следовало, по их мнению, физически уничтожить.

Как отмечает Д. В. Мухетдинов, «для представителей джадидизма, в отличие от их оппонентов, заочно отвергавших все новое, приходящее извне, было характерно стремление к расширению своего кругозора за счет ознакомления с новыми философскими, политическими, правовыми взглядами и идеями, благодаря чтению работ русских и западных авторов, что давало им новую почву для размышлений, материал для сопоставления, направления для развития и углубления собственных мыслей»².

Советское время расставляло свои акценты в процессе героизации. В сознании мусульман осуществлялся переход от признания преимущественно одного героя к принятию группового героизма. Факторами влияния на этот процесс могли быть внутренние обстоятельства, связанные с потребностями общества выживать за счет общинного героизма. В условиях кризисов XX столетия необходимость выживания требовала, чтобы героями становилось все больше и больше членов коллектива. Отсюда и стремление в дальнейшем закрепить в памяти эту ситуацию как ситуацию коллективного героизма: от Героя Советского Союза к Городу-герою, а в конечном счете — к героическому прошлому всего советского народа.

Героём-жертвой становился имам, пострадавший за веру, то есть расстрелянный (или отбывший наказание) и отдавший жизнь (или

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 591. Л. 1–7 об.

² Мухетдинов Д. Российское мусульманство: в поисках политической субъектности. М.: ИД «Медина», 2021. С. 78.

здоровье) только потому, что он выполнял обязанности духовного лидера. Например, истинными шахидами, мучениками за веру, признаны сегодня те семь имамов, которые погибли во время трагического конфликта 1919 г.¹ в татарской деревне Семеновка и похоронены в урочище между деревнями Пошатово и Семеновка Нижегородской области.

Уважаемым, любимым человеком, героем для жителей селения Базлово Нижегородской области стал потомственный имам Алимжан Абдулжаббаров (умер в 1972 г.), подвергшийся репрессиям сталинского периода. По воспоминаниям внучки Алимжана-хазрата, со слов её деда, в 1937 г. в тюрьме города Арзамаса Алимжан прошел через серьезные испытания: «Чекисты бросали Коран на пол и говорили: “Наступи на него, и мы тебя отпустим”. Но имам брал Священное писание и клал его себе на голову. За это он подвергался жестоким пыткам, вследствие которых полностью лишился зрения»².

Кроме утверждения атеизма, что не принималось мусульманами, существовала некая преимущество советского общества по отношению к традиционному стилю жизни, например, в сохранении уважения к многодетным семьям. Система обозначения героев советского времени усилила традицию мусульман (и не только) иметь многодетные семьи. Известно, что бесплодие делало женщину в мусульманской среде своего рода изгоем. В 1944 г. было установлено звание «Мать-героиня»: его получала женщина, имевшая заслуги в рождении и воспитании 10 и более детей. Тем самым персонифицировалась важная для общества традиция, продолженная и в постсоветский период³.

Вклад отдельных этносов в достижения «исторической общности — советского народа» рассматривался после распада СССР как нечто самостоятельное, собственно-этническое, а герои разводились по «национальным квартирам». Например, нижегородские татары издали объемный биографический словарь⁴, в котором были представлены портреты видных нижегородских татар, имевших достижения в различных сферах жизни общества. Сам составитель Словаря, Р. Ф. Ибрагимов, охарактеризован во Вступительном слове к книге как герой своего народа. Критерий такой оценки — «фантастическая преданность просветительской деятельности, направленной на благо своего народа»⁵.

¹ ЦАНО. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2, 3, 4; Оп. 21. Д. 2.

² Воспоминания Афии, внучки А. Абдулжаббарова. Цит. по: Сенюткина О. Н. Из истории татарской деревни Базлово. Н. Новгород, 2009. С. 16–17.

³ Указ Президента Российской Федерации от 15.08.2022 № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208150021> (дата обращения: 09.09.2024).

⁴ Нижегородские татары: биографический словарь. Н. Новгород, 2008. 576 с.

⁵ Закиров Г. Вступительное слово // Нижегородские татары: биографический словарь. Н. Новгород, 2008. С. 3.

По сути, герои Словаря — это те люди, которыми предстоит по праву гордиться татарам, принадлежащим либо к правоверным, либо, судя по подборке Словаря, светским людям мусульманской традиции одного региона, — тем представителям татар-мишарей, чья общность имеет свою специфику, несмотря на принадлежность к татарской нации. В отличие от многочисленных региональных публикаций о героях и их подвигах, подобное издание могло появиться только в конце XX в. как желание мишарей показать свою субъектность в качестве этнической общности, закрепляя в памяти людей имена ученых, врачей, инженеров, учителей, спортсменов, военачальников, рядовых тружеников.

Героическим для мусульман стало поколение победителей в Великой Отечественной войне. Для снятия абстрактного образа потомки закрепляют в своей памяти лица того поколения во время шествия Бессмертного полка, выбивают золотыми буквами фамилии героев на мемориальных досках и обелисках. Российские мусульмане, живущие в Городах-героях и Городах трудовой славы, гордятся и приобщаются к славе своего места жительства. Вместе с тем галереи портретов российских муфтиев украшают интерьеры некоторых современных мечетей — и это становится специфическим отражением понимания значимости личности.

Попытка современных мусульман разобраться в проблеме героизма — своего рода реакция на западную интеллектуальную традицию описания героизма, начинающуюся с характеристики античных героев. Мусульмане, жившие всё Средневековье и значительную часть Нового времени в традиционном обществе, не имели особой потребности анализировать происходившее на светской основе, находясь в формате религиозного сознания. Наличие в их представлениях достойного, глубокоуважаемого, человека в лице пророка Мухаммада, являлось вполне достаточным, не требующим дальнейших рациональных рассуждений о героизме людей. Пророк выступал и выступает по сей день образцом для подражания, образом для воспитания, субъектом для гордости.

Героизации в деле воспитания детей, осуществляемой сегодня Западом, противостоят попытки мусульман создавать свой ряд героев в духе мусульманского понимания мира. Отрицаются образы Человека-паука, Рэмбо и тому подобных персонажей. Дается отпор и, казалось бы, «своим»: Синдбада, Аладина, Али-бабу критикуют за то, что они ничего не делают для народа, грабя людей или, используя лампу с джинном, исполняют свои желания, забыв об обществе. На основе книги Д. ат-Турбани «100 великих людей ислама»¹, ставшей бестселлером в мусульманской среде, создаются видеоматериалы, читаются лекции. Книга была переведена на многие языки, в том числе русский. Сопровождающие видеоролики-нашиды пронизаны идеями «Мы не ослабли...», «О, история, мы вернулись...». Главная

¹ Турбани Д. 100 великих людей ислама. Вольск: Nur Book, 2018.

цель издания — вернуть «героический дух ислама», и в целом подборка героев соответствует целевой установке. В Предисловии к книге оговаривается, что автор не брал для рассмотрения Пророка и его сподвижников, считая, что никто не подвергает сомнению их героические поступки. Среди тех, чьи жизнеописания присутствуют в труде Турбани, доминируют воины-завоеватели, правители Арабского халифата и Османской империи, богословы — основатели мазхабов, вдохновители борьбы народов с колониализмом, например, «берберский волк» Абд ал-Карим ал-Хаттаби (1882–1963) и др., в подавляющем большинстве мужчины. Героям ислама указанной подборки присуща твердая позиция в вопросах религии, которую часто приходилось отстаивать с мечом в руках.

Заключение

Путем исследования исторических источников разной видовой принадлежности, относящихся к тем или иным периодам всеобщей истории, автор пришел к выводу, что основа героизации в мусульманском обществе была заложена пониманием значимости деяний пророка Мухаммада. Традиционность восприятия образа Пророка как личности, достойной безусловного подражания, характерна для всей истории уммы.

Процесс героизации в мусульманской среде обретает новые черты в силу изменений, происходящих в обществе.

В ходе исламизации в сознании новообращенных мусульман (в российском кейсе в большинстве своем тюрок) переплетаются этнические и религиозные сюжеты, сливаясь в единую картину мира героев.

В эпоху Нового времени, времени индустриальных сдвигов и движения в сторону секуляризации, в общественном сознании (в том числе и мусульманском) возникает необходимость чтить героев из земной жизни (героев-тружеников, героев-созидателей мирного труда).

На рубеже XIX–XX вв. в обществе всё громче звучат революционные идеи борьбы за справедливость, против угнетения народов. Героями становятся в первую очередь те, в ком бушует «жажда бури, сила гнева, пламя страсти и уверенность в победе». Небольшая часть наиболее образованных (в западном ключе) представителей российской уммы, делая политическую карьеру, становятся заметными, видными общественными деятелями, стремятся показать возможные пути обновления существующего стиля жизни. Но в целом в российской умме побеждает умеренность, «золотая середина», но не революционный подход. Градус критерия героического снижался и/или поднимался для муфтиев приближенностью к власти, более того, степенью включенности во власть, что зависело от состояния общества.

В условиях атеистического советского времени, когда сформировалось новое поколение строителей социализма, героизация явно меняет свой вектор в сторону утверждения героями тружеников пятилеток, героев Великой Отечественной войны и т.д. В общих советских процессах потомки мусульман, сохраняя в душе верность вероучению, все больше приобщались к светской (равно советской) жизни. Чем больше проникали в сознание верующих элементы секулярности, тем больше появлялось героев из земной жизни в их ментальной картине мира.

После распада СССР героизация теснейшим образом соприкоснулась с укреплением национального самосознания. Герои-революционеры уступили позиции религиозным деятелям: теоретикам и практикам. Причем люди из мусульманской среды старались все больше вспоминать тех предков, которые защищали общее российское Отечество (служилые татары XVI–XVII вв., защитники Отечества в годы прежних войн, произошедших до Второй мировой войны, участники боев в «горячих точках»).

Источники

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 591. Л. 1–7 об.; Ф. 88. Оп. 1. Д. 1674. Л. 12.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4. Д. 33. Л. 2 об., 20 об., 26; Ф. 5. Оп. 1. Д. 21254. Л. 4 об.; Оп. 50. Д. 19569. Л. 9; Оп. 51. Д. 21255. Л. 7 об.; Ф. 1099. Оп. 1. Д. 2, 3, 4; Оп. 21. Д. 2.

Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 4. Д. 19446.

Литература

Закиров Г. Вступительное слово // Нижегородские татары: биографический словарь. Нижний Новгород, 2008. 576 с. С. 3.

Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань, 2004. 383 с.

Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

Мусульманская благотворительность и формирование системы самоуправления // История ислама в России / под общ. ред. Р. М. Мухаметшина. Киров, 2022. С. 307–320.

Мухетдинов Д. Российское мусульманство: в поисках политической субъектности. М.: ИД «Медина», 2021. 360 с.

Нижегородские татары: биографический словарь. Н. Новгород, 2008. 576 с.

Овсянников Н. Н. О торговле на Нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1867. [4], 167 с.

Сенюткин С. Б., Идрисов У. Ю., Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. История исламских общин Нижегородской области. Н. Новгород, 1998. 550 с.

Сенюткина О. Н. Из истории татарской деревни Базлово. Н. Новгород, 2009. 31 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД). Т. 4. М., 1828. С. 396–410.

Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотяб и старее кто в том классе пожалован был. [Москва]: Печатано в Московской типографии, 30 января 1722. 16 с.

Турбани Д. Ат. 100 великих людей ислама. Nur Book, 2018. 640 с.

Фаизханов Г. Книга собеседований (трактаты) о средствах к жизни и изобилию // Сабиров С. В. Мулла Габдулгаллям Фаизханов: краткий очерк жизни и деятельности. Приложение 1. Н. Новгород: ИД «Медина», 2005. С. 41–43.

Хабутдинов А. Ю. Лидеры нации. Казань, 2003. 159 с.

Sources

Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO) [The State Archive of Ulyanovsk Region]. Fund 76. List 7. File 591. P. 1–7 overleaf; Fund 88. List 1. File 1674. P. 12.

Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO) [The Central Archive of Nizhny Novgorod Region]. Fund. 2. List 4. File 33. P. 2 overleaf, 20 overleaf, 26; Fund 5. List 1. File 21254. P. 4 overleaf; List 50. File 19569. P. 9; List 51. File 21255. P. 7 overleaf; Fund 1099. List 1. File 2, 3, 4; List 21. File 2.

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (TsGIA RB) [The Central State Archive of the Bashkortostan Republic]. Fund 295. List 4. File 19446.

References

Carlyle T. (2008) *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [On Heroes, Hero-Worship, & the Heroic in History]. Moscow: Eksmo Publ. 864 p.

Faizhanov G. (2005) *Kniga sobesedovaniy (traktaty) o sredstvakh k zhizni i izobiliiu* [Book of Interviews (Treatises) On the Means to Life and Abundance]. Sabirov S. V. *Mulla Gabdulgalliam Faizkhanov: kratkii ocherk zhizni i deiatel'nosti. Prilozhenie 1* [Mullah Gabdulgallam Faizhanov: A Brief

Essay on Life and Activity. Appendix 1]. Nizhny Novgorod: ID «Medina» Publ. Pp. 41–43.

Islam na evropeiskom Vostoke: entsiklopedicheskii slovar' [Islam in the European East: an Encyclopedic Dictionary] (2004) Kazan. 383 p.

Khabutdinov A. Yu. (2003) *Lidery natsii* [Leaders of the Nation]. Kazan. 159 p.

Mukhetdinov D. (2021) *Rossiiskoe musul'manstvo: v poiskakh politicheskoi sub"ektnosti* [Russian Muslims: In Search of Political Subjectivity]. Moscow: ID «Medina» Publ. 360 p.

Musul'manskaia blagotvoritel'nost' i formirovanie sistemy samoupravleniia [Muslim Charity and the Formation of a System of Self-Governance] (2022) *Istoriia islama v Rossii* [History of Islam in Russia]. General Editorship of R. M. Mukhametshin. Kirov. Pp. 307–320.

Nizhegorodskie tatory: biograficheskii slovar' [Nizhny Novgorod Tatars: A Biographical Dictionary] (2008) Nizhny Novgorod. 576 p.

Ovsyannikov N. N. (1867) *O torgovle na Nizhegorodskoi yarmarke* [On Trade at the Nizhny Novgorod Fair]. Nizhny Novgorod. [4], 167 p.

Senutkin S. B., Idrisov U. Y., Senutkina O. N., Guseva Yu. N. (1998) *Istoriia islamskikh obshchin Nizhegorodskoi oblasti* [History of Islamic Communities in Nizhny Novgorod Region]. Nizhny Novgorod. 550 p.

Senutkina O. N. (2009) *Iz istorii tatarskoi derevni Bazlovo* [From the History of the Tatar Village of Bazlovo]. Nizhny Novgorod. 31 p.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraniashchikhsia v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del (SGGD) [Collection of State Certificates and Treaties, Stored in the State Collegium of Foreign Affairs] (1828) Vol. 4. Moscow. Pp. 396–410.

Tabel' o rangakh vsekh chinov, voinskikh, statskikh i pridvornykh, kotorye v kotorom klasse chiny i kotorye v odnom klasse, te imeiut po starshestvu vremeni vstupleniia v chin mezhdu soboiu, odnako zh voinskie vyshe protchikh, khotia b i staree kto v tom klasse pozhalovan byl [Table of Ranks of All Ranks, Military, Civil, and Courtiers, Which in Which Class of Ranks, and Which in the Same Class, They Have Seniority of Time, Entry into Rank among Themselves, However, Military Ones Are Higher Than Others, Even If the One in That Class Was Granted Older] (1722) [Moscow]: Pechatano v Moskovskoi tipografii Publ., 30 January 1722. 16 p.

Al-Turbani J. (2018) *100 velikikh liudei islama* [100 Great People of Islam]. Nur Book Publ. 640 p.

Zakirov G. (2008) *Vstupitel'noe slovo* [Introduction]. Nizhegorodskie tatory: biograficheskii slovar' [Nizhny Novgorod Tatars: A Biographical Dictionary]. Nizhny Novgorod. 576 p.

HEROES IN THE TURKIC–MUSLIM ENVIRONMENT: REASONS AND CRITERIA OF HEROIZATION¹

Abstract. The purpose of research is to study the content of the process of heroization in the Muslim environment. The implementation of the purpose is carried out on a heterogeneous source basis. In the article, the author examines specific features of the process of glorification in the Muslim environment based on the study of previously unknown or less-known archival documents, legislative acts, memoirs of Muslims or their descendants (“voice of Islam”). The perspective of presenting historical material with an emphasis on the religious phenomenon of heroism is original. For the first time in Russian historiography, the author used the optics of studying glorification in relation to the Turkic-Muslim environment, examining the factors influencing the transformation of this process: the connection between ethnic and religious principles, the deeds of outstanding Muslim heroes, and the state-ethnic-confessional policy. Conceptually, the article provides an analysis of the interweaving of religious and ethnic principles in the historical memory and objective reality of the Muslim part of the Russian population, which allows for a more in-depth study of the basic foundations of Pan-Turkism and Pan-Islamism. Particular attention is focused on the criteria for defining a hero or a group of heroes. It is concluded that the criteria for defining heroes of the Muslim world are: the deep faith in Allah, the ability to defend this faith even to the point of losing one’s own life, the knowledge of the fundamentals of Islamic doctrine, the adherence to the norms of Sharia in daily life, and the nurturing children in the spirit of Islam. In addition to that, there is a set of certain factors that contribute to the consolidation of the names of heroes in historical memory or, on the contrary, reduce their significance. Traditional society preserves the memory of its heroes from generation to generation, adding new names in the process of developing national self-awareness. A person who loves his multi-confessional Motherland extrapolates his understanding of the criteria of heroism depending on interfaith interactions.

¹ The article was prepared as part of the Russian Science Foundation grant “Pan-Islamism and Pan-Turkism: historical, modern and prognostic discourse in persons and events”, project No. 24–28–00188, <https://rscf.ru/project/24–28–00188/>.”

History of Islam in Russia

Key words: Muslims, Turks, heroes, antiheroes, glorification, values, traditions, Pan-Turkism, Pan-Islamism.

Olga N. SENUTKINA,

D. Sci. (Hist.), associate professor; professor

Department of History and World Politics.

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
(31a, Minina Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation).

E-mail: senutkina@mail.ru

